

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

УДК 304.5 – 165.42

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ГОСУДАРСТВО

ТАРХАНОВ О. В.

АННОТАЦИЯ

В статье с опорой на принятое в науке понимание основных категорий экономического организма дан анализ основных положений социологической экономики. Показано, что в трудах создателя этого направления в советской науке не соблюдена научная методология, в их основе лежат ошибочные субъективные тезисы, в результате чего выводы в этих трудах не соответствовали действительности и явились одним из факторов, приведших к параличу научного мышления и дезориентации управленцев, что ускорило разрушение СССР.

Ключевые слова: социологическая экономия; Заславская Т.И.; разрушение СССР.

ECONOMIC SOCIOLOGY AND THE STATE

TARKHANOV O. V.

ABSTRACT

The article, based on accepted scientific understanding of the main categories of the economic organism of the analysis of the main provisions of sociological Economics. It is shown that in the works of the Creator of this trend in Soviet science are not met scientific methodology, they are based on erroneous subjective abstracts, resulting in the conclusions in these papers was not true and was one of the factors that led to the paralysis of the scientific community and disorientation managers that have accelerated the destruction of the USSR.

Keywords: sociological savings; Zaslavskaya T. I.; the destruction of the Soviet Union.

Более 2500 лет назад Сократ обосновал, что худшим из зол является заблуждение. Бэкон противопоставляет заблуждению знание: «Мы столько можем, сколько знаем. Знание – сила».

Много позже великий русский писатель Л.Н. Толстой пишет: “Бойся не незнания, а ложного знания. Лучше ничего не знать, чем считать правдой то, что неправда”.

Но вряд ли кто будет оспаривать тот факт, что из всех заблуждений худшими являются заблуждения в науках, ибо место знания в мировоззрении ученого, как советника управленца, занимает заблуждение, которое сказывается на управленческом решении, принятом по совету ученого [1]. Худшим же из подобных научных заблуждений, является такое, которое обосновывает действия правительства, приводящие к негативным последствиям для государства (от ущерба до разрушения) [2]. Как будет показано ниже, в основе доклада «Новосибирский мани-

фест» доктора экономических наук Т. И. Заславской, опубликованного в СССР под грифом «Для служебного пользования» и одновременно за рубежом в средствах массовой информации, лежат аргументы, противоречащие критериям знания, введенным Аристотелем. Но заблуждения, поскольку не являются знанием, то являются неправдой, как худшим из зол. Стало быть, как говорила Т. И. Заславская «А одна из важнейших свобод – это Свобода утверждать Правду» [3]. Но утверждение в науке Заблуждений вместо Правды – есть дикость. Стало быть, выявление заблуждений является вечно актуальной задачей, так как служит очищению от них. Поэтому, вновь приходится согласиться с принципиальной позицией организатора социологического направления в экономике СССР: «Я считаю, что история, прежде всего, должна быть правдивой. А если мы обо всех будем говорить только хорошее, то неизбежно будем лгать» [3].

Любопытно, что до настоящего времени не удалось найти анализ «Новосибирского манифеста», этого уникального документа ни со стороны экономистов марксистов, ни со стороны экономистов либералов, ни со стороны социологов или иных ученых, чьи изыскания касаются развития человеческого сообщества. Возможно, это произошло потому, что ныне разбежавшиеся по многочисленным направлениям ученые и их ученики в 1983 году были единодушны в высокой оценке доклада, как нового направления, могущего выявить проблемы экономики советского государства и обозначить пути их решения. Стало быть, не до критики.

Из названия доклада «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии» следует, что он касается важнейшей категории экономического организма человеческого общества – *производственных отношений* [4]. Эта категория теоретической экономики подробно исследована в трудах Маркса и Энгельса, равно как ими же исследована и другая категория – производительные силы. Представления об этих категориях достаточно полно и ясно изложены в двух уважаемых источниках и первоисточнике [5, 6, 7].

Сообразно с этими представлениями под производственными отношениями понимаются совокупность отношений между субъектами экономического организма по производству и распределению потребительных и меновых стоимостей (товаров), зависящих от многочисленных факторов, включая отношение к собственности на средства производства.

На стыке наук «Диалектика» и «Исторический материализм» Маркс показал, что развитие человеческого общества идет по восходящей линии от первобытнообщинного строя до капиталистического (поскольку последняя форма общества, которую наблюдал Маркс, была капитализмом). При этом Маркс выявил, что капиталистическое общество, де-факто, являлось ЛУЧШИМ из всех ему известных формаций по производству количества и качества материальных благ и затратам труда на их производство. Вполне ясно, что лучшее качество затрат труда определяется понятием *производительность* труда. Т.е., чем меньше тратится труда на создание того же самого или большего количества материальных благ более высокого качества, тем производительность труда выше.

Для исключения двусмысленности при толковании понятия «производительность труда» уточним, что применительно к формациям человеческого общества производительность труда выступает как обобщенное понятие применительно ко всей экономической системе, в которой производятся не отдельные блага, а совокупное их количество. При этом рассматривается зависимость этой производительности труда от

производственных отношений, логическое обоснование чему исчерпывающе дал Маркс. Стало быть, как бы на поверхности лежит факт оценки общественных формаций через характеризующую эти формации производительность труда. При этом вполне очевидно, что из известных Марксу формаций он сравнивал предыдущую и последующую общественные формации. При этом выяснилось, что всякий раз, когда происходил переход от одной формации к следующей, была одна и та же *причина*. По-Марксу, эта причина определялась тем, что производственные отношения предыдущего общества *тормозили* развитие своих производительных сил, главной составляющей которых были носители рабочей силы. Так, феодальные производственные отношения отображались тем, что феодал был собственником не только плодородной земли, но и крестьян, которые трудились на земле. Такие производственные отношения психологически вполне устраивали *феодала*, поскольку он не испытывал каких-либо неудобств по обеспечению себя материальными благами, включая право первой ночи. Не малая часть производимой крестьянами еды и сельскохозяйственного сырья отвлекалась на строительство феодальных усадеб (дворцов) и содержание многочисленной челяди (родственников, прислуги, охранников и пр.). Поэтому производимых при феодализме благ (пищи и сельскохозяйственного сырья) было явно недостаточно как для развития крестьян, так и для производителей промышленных товаров, как совокупной производительной силы промышленной сферы производства потребительных стоимостей. Недостаточность благ при феодализме, прежде всего, пищи, определялась тем, что именно подневольные крестьяне, составлявшие большинство населения, хотя и кормили, одевали и ублажали феодала с неограниченно растущими его потребностями, но одновременно, кормили и себя. Т.о., почти вся еда, тратилась на низкопроизводительный труд крестьян. Это ограничивало развитие и крестьян, и нарождавшихся в то время классов рабочих, инженеров и капиталистов как дополнительных производительных сил общества.

Повысить эту производительность труда феодальный строй, по мнению Маркса, не мог, чем и исчерпал себя, как формация, пришедшая на смену рабовладельческому строю.

Стало быть, феодальный строй, как строй с феодальными производственными отношениями (феодал – собственник земли и крестьян) тормозил развитие производительных сил в деле производства пищи для тружеников нарождающегося производства промышленных товаров, которому нужны были рабочие и еда для рабочих. Эти рабочие могли появиться только из крестьян и только за счет роста производительности труда оставшихся на селе крестьян. Но для этого необходимо было освобождение крестьян от кабалы

феодала и одновременно повышение производительности крестьянского труда. По-Марксу, это и привело к смене феодализма капитализмом. При капитализме появился в чистом виде собственник средств производства, в том числе и в сельскохозяйственном производстве, и выведенный за рамки собственности *носитель* рабочей силы. Распознав признаки смены общественных формаций и изучив капитализм, Маркс пришел к выводу – капиталистический строй также сдерживает развитие производительных сил, основу которых при капитализме составляли крестьяне и рабочие. По аналогии со сменой феодального строя капиталистическим строем Маркс полагал, что капиталистический строй должен смениться из-за сдерживания развития производительных сил частной собственностью на средства производства. Именно она, по мнению Маркса, приводила к непропорциональному распределению произведенных при капитализме материальных благ между собственниками средств производства и носителями рабочей силы (крестьянами и рабочими), что предопределяло не столько несправедливость, сколько тормоз на пути развития производительных сил по производству материальных благ.

На основе этих, весьма в сжатом виде отображенных размышлений, Маркс, вероятно, предположил, что смена капитализма социализмом должна произойти, по аналогии с предыдущей сменой феодализма на капитализм, посредством революции, которую он назвал социалистической. После такой революции, по мнению Маркса, производительные силы через большее поступление в их потребление производимых ими благ получают большее развитие, что позволит производить большее, чем при капитализме, количество благ. Стало быть, никто из членов человеческого общества новой формации не будет лишены права ни на еду, ни иные материальные блага (жилище, лечение, образование). Но это может стать возможным только за счет *более высокой* производительности труда, которую можно достигнуть за счет снятия барьера на пути развития производительных сил, которым, по мнению Маркса, являлась частная собственность на средства производства при капитализме.

Из изложенного следует, что под современной формулировкой тезиса «*несоответствия* производственных отношений уровню развития производительных сил» необходимо понимать препятствия на пути развития производительных сил, которые возникают в данной формации из-за отсталости производственных отношений в ее экономическом организме от потребностей развития ее производительных сил на пути создания большего количества потребительных стоимостей (благ). Именно из такого понимания следует и формальная оценка какого-либо общества по уровню достигаемой в нем про-

изводительности труда. Другими словами, по Марксу судить о развитии производительных сил общества можно путем сравнения по двум критериям: 1. Тормозится ли развитие производительных сил внутри данной системы производственными отношениями; 2. Как ведет себя при этом производительность труда. Однако любые аномалии, выявленные по этим критериям, могут быть оценены либо как несоответствие теоретических положений Маркса, либо как стимул для выявления причин возникающих аномалий. При этом если выявляются несоответствия, то может произойти уточнение положений теории. Если же выявляются причины, то прежняя теория подтверждается и надо устранять причины.

Данный вывод, как представляется, не противоречит не только исследованиям Маркса, но и исследованиям большого количества мыслителей от времен Лао-Цзы, Фалеса, Сократа, Платона, Аристотеля, Декарта, Энгельса и иных гениев человечества, включая Роберта Оуэна. Их творчество было направлено на выявление и устранение препятствий для развития производительных сил сообщества с целью получения большего количества благ, распределение которых способствует развитию производительных сил.

В то же время, в производственных отношениях современного общества участвуют не только собственники средств производства и производительные силы в лице носителей рабочей силы. В этих отношениях участвуют, так сказать, управленческо-инженерный персонал, исследователи из различных областей науки и собственно управленцы-менеджеры, т.е. не менее пяти субъектов.

Без первых из последней тройки невозможно функционирование крупных, а значит, наиболее производительных предприятий в промышленности и в сельском хозяйстве.

Вторые представляют собой разработчиков нововведений (инноваций, включая новые образцы оборудования, материалов, образцы товаров народного потребления и пр.) и исследователей по добыче новых знаний как для осуществления технологического функционирования производства и непосредственного управления этим производством, так и для управленцев общегосударственного уровня. При этом отдельные представители выделенных субъектов производственных отношений могут быть одновременно и собственниками средств производства, и разработчиками нововведений, и инженерами на производстве и даже носителями рабочей силы. Но это вовсе не является основанием для изменения представлений об общественных формациях, ибо главные признаки человеческих сообществ (производственные отношения, определяемые видом собственности на средства производства, владельцы денежного капитала, производительные силы, распределение произведенных благ между субъектами

производственных отношений в зависимости от вида собственности на средства производства), как формаций, являются определяющими. Стало быть, при анализе производственных отношений и их влияния на производительные силы, необходимо внимательно отнестись к роли отдельных составляющих экономического организма при поиске ответов на вопросы по явлениям, возникающим в этом организме любого общества. И только при выявлении отсутствия влияния на проявившееся явление отдельных составляющих производительных сил, можно рассматривать производственные отношения в целом.

С учетом изложенного ниже представлен анализ оснований и доводов, изложенных Т. И. Заславской в «Новосибирском манифесте» и иных ее работах.

Опираясь на приведенное понимание взаимодействия производственных отношений и производительных сил, можно предположить, что докладчик, как экономист, познавший на стадии бесплатного обучения в социалистическом университете марксистскую теорию о взаимосвязи двух обозначенных категорий, по каким-то причинам пришла к выводу о необходимости совершенствования производственных отношений при социализме образца 1983 года. Цель совершенствования – содействие развитию производительных сил того же самого социализма. Из этой вполне понятной и обозначенной в конце доклада цели, и смысла требования соотнесения указанных категорий следовало, что докладчик должна была показать застой в развитии производительных сил советского общества хотя бы для последних 50 лет существования нового общественного строя, т.е. с 1933 года по 1983 год. Однако таких фактов состояния производительных сил в докладе не представлено. Вместо этого, докладчик утверждает, что одним из разработанных экономической наукой теоретических представлений является представление «б) о работниках социалистического производства как «носителях рабочей силы», трудовых ресурсах общества, объекте централизованного управления «сверху». Поскольку ресурсы, по самой своей природе пассивны, поскольку они не действуют, а «используются», не совершают поступков, а «функционируют», не меняют рабочих мест, а «распределяются» и «перераспределяются», постольку от людей, выступающих в качестве «трудовых ресурсов», также не ожидается активности, например, участия в управлении, творческой инициативы, борьбы за собственные идеи;» [4, С. 1].

Из этой цитаты следует, что какими-то экономистами основная часть категории «производительные силы» (работников социалистического производства) названа «трудовыми ресурсами». Причем здесь социализм – совершенно непонятно, ибо к вводимой некоторыми экономистами дефиниции «трудовые ресурсы» ни социализм, как строй, ни управленцы государства СССР, никакого отношения не имели. Эту дефиницию породило воображение «некоторых экономистов», которых, возможно, необходимо было либо поправить, либо поблагодарить за то, что они рабочих и крестьян вместе с другими тружениками (учеными, инженерами, управленцами) СССР назвали «ресурсами». Но из самой категории «трудовые ресурсы», введенной экономистами, никак не следует реальное поведение производительных сил социализма. Мало того, из доклада мы узнаем, что основная часть производительных сил социализма, вопреки смыслу, придаваемому докладчиком термину «ресурсы», вовсе не пассивна, а даже очень и очень активна. Действительно, докладчик о рабочих 30 годов пишет «Подавляющую часть рабочих промышленности составляли недавние выходцы из села со слабо развитым правосознанием и без претензий на участие в управлении. У большинства из них материальные стимулы к труду доминировали над социальными и духовными. *Будучи сравнительно мало развиты*, они представляли удобный объект управления» [4, С. 1]. Но несколько ниже, Т. И. Заславская отмечает: «Современное состояние его производительных сил отличается от 30-х годов не только количественно (по масштабам), но и качественно (на многие «порядки» и «поколения»)».

Из приведенных цитат для любого хоть как то логически мыслящего человека следует, что производительные силы в СССР с 30 годов по 1983 год развились на «многие порядки». А это автоматически подтверждает предположение Маркса. И действительно, новый строй в СССР всего за несколько десятилетий, включавших годы тяжелейших утрат производительных сил и времени в Великой Отечественной Войне, по свидетельству Т. И. Заславской, обеспечил на «многие порядки» рост новых производительных сил. Стало быть, не введенная дефиниция «трудовые ресурсы» отражала развитие (пассивное) во времени производительных сил при социализме, а самое что ни на есть гигантское ускорение и скорость развития этих самых производительных сил. Но из этого, в соответствии с увиденной Марксом сути экономического строя, следует, что новый строй (социализм) действительно снимает какие-либо ограничения в развитии производительных сил. Но раз это так, то возникает два сопряженных вопроса: «Причем здесь необходимость совершенствования производственных отношений, и что конкретно под этим понимает манифестант?».

Возможно, не упоминая Сталина, она опиралась на его работу «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой И. В. Сталин действительно писал: «Противоречия безусловно есть и будут, поскольку развитие производственных отношений отстает и будет отставать от раз-

вития производительных сил. При правильной политике руководящих органов эти противоречия не могут превратиться в противоположность, и дело здесь не может дойти до конфликта между производственными отношениями и производительными силами общества. Другое дело, если мы будем проводить неправильную политику, вроде той, которую рекомендует товарищ Ярошенко. В этом случае конфликт будет неизбежен, и наши производственные отношения могут превратиться в серьезнейший тормоз дальнейшего развития производительных сил» [8, С. 202]. Очевидно, что Сталин, отмечая отставание производственных отношений от производительных сил при социализме, говорил не об исчерпавшей себя фазе социализма, а о соотношении в развитии обеих категорий внутри социализма. Это предположение Сталина свидетельствует о том, что он отдавал должное диалектике Маркса, в соответствии с которой момент перехода от социализма к коммунизму также должен будет характеризоваться накоплением отставания производственных отношений, которое, как помеха на пути развития производительных сил, может быть устранено только переходом к коммунизму. В этом смысле, вполне естественно, что Т.И. Заславская могла усмотреть в развитии производственных отношений социализма типа СССР какую-то помеху развитию производительных сил. Однако прямого обоснования этому в ее докладе нет, а есть, наоборот, восторженная оценка уровня развития производительных сил к 1983 г. при имеющемся уровне развития производственных отношений. При этом сам уровень развития этих производственных отношений она не исследует с позиций вклада в эти отношения указанных выше субъектов этой категории. Не исследует, но утверждает, что эти отношения необходимо совершенствовать. Но раз есть утверждение о необходимости совершенствования, значит должно быть выявлено и торможение. Однако Т.И. Заславская это торможение не отмечает. Поэтому суть отставания производственных отношений социализма в СССР для читателя остается за семью печатями. Вместо сути отставания, Т.И. Заславская указывает на то, что **«ухудшение экономических показателей имеет место в большинстве отраслей и районов»**. Как и прежде, в докладе не уточняется, что конкретно имеется в виду под ухудшением и каких экономических показателей каких отраслей. Ведь, если в каких-то районах и отраслях эти ИНКОГНИТО экономические показатели не ухудшаются, то надо выявлять причины ухудшения в других отраслях и районах. Ведь по Марксу производственные отношения тормозили развитие производительных сил не в отдельных отраслях рабовладельческого и феодального строя, а в целом в экономике, как сфере производства материальных благ. Однако это не смущает докладчика и Т. И. Заславская делает необоснованный вывод: **«Следовательно,**

в основе этого явления лежит более общая причина. По нашему мнению (Выделено – ТОВ) она заключается в отставании системы производственных отношений и отражающего ее механизма государственного управления экономикой от уровня развития производственных сил, конкретнее – в неспособности этой системы обеспечить полное и достаточно эффективное использование трудового и интеллектуального потенциала общества» [4].

Но внимательному читателю становится вполне ясно, что ремарка **«по нашему мнению»**, является не обоснованием, а предположением. Но даже в виде предположения этот вывод академика не может относиться ко всему экономическому организму СССР, а только к частному моменту работы этого организма, ибо в каких-то отраслях и районах, вероятно, Т. И. Заславская имеет в виду республики и области СССР, экономические показатели не ухудшались. Этого замечания вполне достаточно для утверждения – вывод докладчика об отставании производственных отношений, сложившихся в экономике советского социализма некорректен, ибо ухудшение экономических показателей не носит всеобщий характер.

Некорректен этот вывод и по дополнительным основаниям, связанным со второй частью утверждения академика о том, что производственные отношения отражаются «механизмом государственного управления экономикой». Действительно, сводя производственные отношения к государственному управлению, доктор экономических наук, как минимум, допускает существенное упрощение экономической категории «производственные отношения» при социализме.

Первое из дополнительных оснований некорректности вывода профессора экономики заключается в том, что в производственных отношениях задействовано, как показано выше, не менее пяти участников, вступающих в эти отношения при замене частной собственности на средства производства двумя видами собственности – колхозной и государственной. Докладчик же причину ухудшения экономических показателей в ряде регионов и отраслей усматривает только в неспособности государственного управления экономикой, но при этом равным счетом не приводит никаких оснований. Место этих оснований у докладчика заменено словами «По нашему мнению». Но это выражение не заменяет обоснований, а является мягкой формой выражения киногероя «Я – Гриша».

Второе дополнительное обоснование некорректности вывода доклада. Автор манифеста, обозначая государственное управление ответственным за снижение экономических показателей, пренебрегает тем, что в СССР, де факто, государственное управление принципиально не могло производиться без рекомендаций, вырабатываемых наукой [1, 2]. Мало того, эти реко-

мендации много раз обсуждались учеными на различных форумах, включая семинары, конференции и симпозиумы. Обсуждались они на пленумах ЦК и съездах коммунистической партии. Стало быть, в обсуждении рекомендаций принимали участие представители всех субъектов производственных отношений, включая ученых.

В этом втором обосновании главным является тот факт, что в государственном управлении лишь последний акт принятия решения может лежать, так сказать, на совести чиновников государственного аппарата управления [9]. Однако главным субъектом при выработке решения для управления столь сложным объектом, как экономика, является наука, вырабатывающая рекомендации для государственного аппарата управления.

В силу описанной сущности государственного управления, докладчик была обязана показать, что государственный аппарат управления экономикой СССР пренебрегал рекомендациями науки в лице многочисленных экономических институтов, отделов экономики при институтах, отделений экономики союзной и республиканских академий наук.

Однако в докладе не удалось обнаружить анализа принятия государственным аппаратом решений по управлению экономическим организмом, в котором бы было выявлено пренебрежение управленцами СССР рекомендациями науки или их неправильная реализация.

Приведенных обоснований некорректности вывода докладчика о необходимости совершенствования социалистических производственных отношений в 1983 г. в СССР по причине ухудшения экономических показателей в некоторых отраслях и регионах советского государства позволяет отнести доклад к далекому от науки труду, с формальным употреблением выявленных марксизмом экономических категорий при весьма вульгарном понимании их смысла. Такая оценка основного вывода докладчика отнюдь не повышается от того, что докладчица некогда получила некие представления о математической логике на физическом факультете университета. К сожалению, эти представления не предотвратили нарушения докладчиком законов обыкновенной логики, описанных Аристотелем за две с половиной тысячи лет до даты появления анализируемого доклада. Не может быть улучшена эта оценка и из-за того, что профессор плохо представляла учение Маркса об общественных формациях. Защищенные ею кандидатская и докторская диссертации, посвященные оплате труда и проблемам распределения по труду в колхозах, весьма отдаленно были связаны с совокупной категорией «производственные отношения при социализме».

Вместе с тем, остается открытым вопрос о том, что конкретно имелось в виду в докладе

под «ухудшившимися экономическими показателями» некоторых отраслей советской экономики. На этом пути нам помогут выдержки из доклада и интервью докладчика:

- «Анализируя причины негативных тенденций в экономике, отдельные группы ученых делают акцент на ухудшение условий добычи минерального сырья, **учащение засушливых лет** (Выделено – ТОВ), структурные диспропорции в народном хозяйстве страны (отставание инвестиционного комплекса, транспортных связей), недостаточную заинтересованность работников в результатах труда» [4, С.1].
- «Экономическими отношениями государства с колхозами я заинтересовалась, прежде всего, потому, что это было едва ли не самое больное место теории развитого социализма. Его несоответствие практике было вопиющим. **Государство изымало у колхозов** весь прибавочный и порядочную часть необходимого продукта» [3, С. 10 – 11].
- «К осени 1982 г. мы подготовили исследовательский проект «Социальный механизм развития экономики (**на примере аграрно-промышленного комплекса**)», рассчитанный на ближайшие пять лет. Его центральная идея заключалась в том, что начинавшийся системный кризис экономики был вызван не столько техноэкономическими и структурными, **сколько социальными причинами**» [3, С. 13].

Цитаты свидетельствуют о явном изменении в мировоззрении автора за прошедшее после доклада время. Если в докладе (1983 г.) источником «ухудшение экономических показателей .... в большинстве отраслей» она обозначила государственный аппарат управления, то в 2005 г. причину переквалифицированного ею явления в системный кризис экономики социализма она усмотрела в социальной сфере. И это не случайно. Создатель направления по изучению экономики государства методом, как минимум, опросов доярок, конюхов, животноводов, агрономов и бухгалтеров по начислению заработной платы в колхозах, в 2005 г. должна была обосновывать этот опрос, не могущий вскрыть суть экономического организма государства (экологической антропогенной системы), но по ее мнению, полезный для управления экономикой социализма.

Вместе с тем, из этих же цитат следует, что под ухудшающимися на 1983 г. экономическими показателями академик имела в виду, вероятно, показатели аграрной сферы. Эти ухудшения автор доклада в интервью 2005 г. задним числом обозначила как «начинавшийся системный кризис экономики». Поскольку пока не совсем ясно, что конкретно имела в виду докладчик, нам

вновь придется обратиться к ее интервью [3].

Так, профессор говорит: «Исследование (в 1958 г. – ТОВ) показало, что в конце 1950-х гг. производительность сельскохозяйственного труда в США была выше, чем в СССР, в среднем в 4–5 раз (от 2 раз по зерну до 8–10 раз по мясу и молоку). Между тем незадолго до окончания нашей работы Н. С. Хрущев с трибуны партийного съезда заявил, что разница составляет «в среднем в 3 раза» [3, С. 8].

Таким образом, под ухудшающимися показателями экономики, Т. И. Заславская, вероятнее всего, имела в виду именно еще в 1958 г. отмеченную ею низкую производительность сельскохозяйственного труда. К сожалению, слово «ухудшающиеся», сказанное в докладе в 1983 г., должны были также относиться к этому показателю, как главному из критериев оценки экономической системы. Но этого не удалось найти в докладе. Следовательно, что-то смутило докладчика и ее консультантов. То ли производительность труда в сельском хозяйстве после 1958 г. стала расти, и тогда был бы непонятен сыр-бор в 1983 г., то ли она выросла настолько, что этот экономический показатель вообще перестал быть актуальным. Следовательно, замена этого показателя, как основного в теории Маркса о развитии человеческого общества и революциях, на неопределенные ухудшающиеся «показатели экономического развития» стали не случайными.

Для прояснения этого вопроса обратимся к официальной статистике, в которой, как её не приукрашивай, обязательно проявятся тенденции развития экономики, в нашем случае, экономики сельскохозяйственной. Так, численность работников в сельском хозяйстве СССР с 32 млн. человек в 1960 г. снизилась в 1983 г. до 27 млн. человек. В эти же годы валовой сбор зерновых и хлопка-сырца вырос со 125,5 млн. т до 211,4 млн. т и с 4,29 млн. т до 8,09 млн. т, соответственно [10, С.8]. Это позволяет сделать вывод о том, что после 1958 г. производительность труда в сельском хозяйстве СССР выросла весьма значительно. В расчете на среднегодового работника эта производительность выросла до 153% в 1986 г. по сравнению со 100% в 1970 г., т.е. практически в 1,5 раза в 1983 г. [10, С. 438]. Стало быть, вероятно, это и стало причиной отказа Т. И. Заславской от использования конкретики, ибо это, в противном случае, противоречило бы, как фактам, так и исследованиям и выводам Маркса.

В то же время, в сельском хозяйстве СССР действительно наблюдались весьма странные тенденции. Так, в почти те же самые годы удельный вес прибыльных хозяйств упал с 95% до 47%, а число убыточных хозяйств повысилось с 1,5 тысяч до 13,7 тысяч [10, С. 448]. Учитывая это, можно утверждать, что производительность труда в целом в сельском хозяйстве СССР увеличилась за счет ее повышения в 47% хозяйств, перекры-

вающего падение производительности труда в остальных 53% хозяйств.

Возможно, что именно ухудшения показателей в нерентабельных хозяйствах имела в виду социолог Т. И. Заславская. Это предположение подтверждается ее интервью: «Ее (социологической – ТОВ) экспедиции целью было раскрыть секрет, каким образом местному населению (в Прибалтике – ТОВ) удается вести высокоинтенсивное и эффективное сельское хозяйство при том же самом хозяйственном механизме. Этот вопрос мы задавали «каждому встречному и поперечному», и всякий раз получали один и тот же ответ: «У нас другие люди», «У нас не воруют», «Наши люди привыкли много работать», «В России одни пьяницы, работают кое-как» и т.д. Это производило ужасное впечатление. Мы постоянно ощущали, что оборотной стороной их законной гордости своими успехами служит нескрываемое презрение к нам, русским. Хозяйственный механизм один, а реализующие его люди – разные. Главный вывод заключался в том, что «качество человека» не менее важно, чем качество хозмеханизма» [3, С.9].

Из этого фрагмента социологической деятельности профессора следует, что, во-первых, не производственные отношения в лице государственного управления экономикой в СССР являлись ответственными за «ухудшение экономических показателей», а весьма экстравагантно преподнесенное социологом «качество человека». Экстравагантность заключается в том, что Т. И. Заславская признает, так как не опровергает, а соглашается, с явно русофобским мнением колхозника из прибалтийского хозяйства. Глупость этого социологического «открытия» подтверждается тем, что к моменту опроса в СССР чисто русских хозяйств практически не было, а в самих прибалтийских хозяйствах – не было чисто мононациональных колхозов. Но самым неутешительным для открывателя социологических «феноменов» в социалистической экономике являются данные статистики. Так, темпы роста среднегодового объема продукции в сопоставимых ценах в РСФСР с 1976 г. по 1985 г. выросли со 106 до 113 (на семь единиц), а например, в Литовской ССР со 106 до 109 (на три единицы) [10, С. 24]. Выходит, следуя логике социолога-экономиста, что литовские колхозники были ровно в два раза ленивее рсфсэровских колхозников? Наверное, этот вывод, в данном случае, неверен не по методике социолога. Он неверен по своей сущности, ибо результаты экономической деятельности, хотя и зависят от мировоззрения тружеников, но в подавляющей степени они зависят и от производственных отношений, и от сущностных компонент экономического организма. Речь идет о том, что в исследованиях экономистов к 1867 году (год издания Марксом первого тома «Капитала») было обозначено, что произведенный в экономике

продукт определяется (измеряется) трудом. Отсюда привязка экономистов, включая Т. И. Заславскую, к трудовым категориям, включая производительность труда и национальные особенности тружеников. Однако уже в третьем томе «Капитала» Маркс столкнулся с противоречиями этой теории, которые не сумел преодолеть из-за недостаточности знаний в смежных с экономикой сельского хозяйства науках [11]. Поскольку у Т. И. Заславской отсутствовали даже представления о противоречиях в теории трудовой стоимости, то возможно, что она остановилась при изучении марксизма на первом томе «Капитала», постольку она была вынуждена опираться на категорию «производительность труда». Но столкнувшись с неадекватным поведением этой категории при социализме, докладчик использовала туманную фразу об «ухудшении экономических показателей». Как результат размышлений, в поле зрения которых не попали сущностные признаки экономического организма и недоработки теории, и была «рождена» идея будущего академика: «Именно в результате этой экспедиции у меня возникла идея социального механизма развития экономики, одну часть которого составляет хозяйственный механизм (иными словами, система институтов), а другую – действия социальных субъектов (или факторов), зависящие от их социальных качеств. Вообще же для крупных исследований села экспедиция – пожалуй, единственная форма проведения социологического опроса». [3, С. 9].

Но об этом откровении Т. А. Заславская умолчала в 1983 г., когда возложила всю долю ответственности за несообразности результатов экономической деятельности в СССР на ... «производственные отношения» с последующим переложением этой ответственности на госаппарат, а по сути, на социализм.

Весьма удивительно, что это ее мнение в 1983 г. было единогласно поддержано не только всеми участниками научного семинара «**Социальный механизм развития экономики**», но и ругаемых ею управленцев госаппарата.

Удивительно здесь и то, что фактически Т. И. Заславская объявила экономистам СССР о их несостоятельности, что обычно трудно переносится носителями научных степеней. Наоборот, как об этом нам сообщает Т.И. Заславская: «Участники семинара, не получившие препринтов, брали их у счастливых владельцев на ночь и переписывали от руки. Этот факт меня просто потряс... А по окончании семинара обнаружилась нехватка двух экземпляров доклада. Вскоре в Институте появились представители КГБ и начали их искать» [3, С. 13].

Как видим, участники семинара не только не обиделись, но, наоборот, были счастливы, а несчастными себя чувствовали только те, которые остались обделенными препринтами доклада и были вынуждены ночью переписывать доклад,

уникальный по количеству имеющихся в нем несообразностей.

Удивительно и то, что управленцы государства СССР весьма миролюбиво отнеслись к обозначенной докладчиком сути этого аппарата, как несостоятельного участника производственных отношений.

Представляется, что управленцы не смогли вникнуть в суть выводов доклада по двум причинам.

Первая заключается в усыпляющей внимание риторике с использованием терминологии марксизма, при не доходящем до сознания вульгарном их толковании автором доклада.

Вторая видится в том, что в первой части автор, хотя и обвиняет аппарат, но изображает это дело так, что работа аппарата, якобы, подчинена выпестованной в тридцатые годы методике, т.е. сталинизму. Эта вторая причина еще более проявляется в неожиданном реверансе в адрес управляющего аппарата: «Насущная необходимость перестройки системы государственного управления экономикой, теоретически давно осознана и отражена во многих решениях, принимавшихся партией в течение последних десятилетий. Однако пока проблема не решена, и действующая система управления народным хозяйством упрямо сохраняет черты, необходимость решительного преодоления которых отмечается в документах партии. Решения, принимаемые по этому вопросу, реализуются медленно и половинчато, словно наталкиваясь на активное сопротивление» [4, С 11].

Из этой фразы четко следует, что обвиненный ранее аппарат управления экономикой, а это партия и её ЦК КПСС, к середине доклада обласкан докладчиком в духе ранней средневековой лести с одновременным обозначением чьего-то «активного сопротивления». И об этом сопротивлении Т. И. Заславская, как выясняется, знала, вероятно, из уст опрашиваемых ею рядовых колхозников, но обозначила в духе намека – «словно наталкиваясь на активное сопротивление».

Вместе с тем, из этого фрагмента совершенно непонятно, каким решениям партии, созвучным «открытиям» социолога, кто-то активно сопротивляется. Возможно, к таким моментам относятся утверждения докладчика: «Наблюдаемое в последние пятилетки возникновение и непрерывное углубление региональных, отраслевых и экономических диспропорций в народном хозяйстве СССР яснее, чем что-либо другое, свидетельствует об исчерпании возможностей централизованно-административного управления хозяйством, необходимости более активного использования «автоматических» регуляторов балансирования производства, **связанных с развитием рыночных отношений**. В этих условиях **отстаивание учеными положений** о непосредственно общественном характере социалистического труда и «особом» характере социалистических товарно-

денежных отношений оказывает дурную услугу обществу» [4, С. 5].

В двух приведенных утверждениях, как и ранее, нет обозначения конкретных «правильных» решений партии, как нет и сути этих решений. Вместо этого, есть общие слова об «автоматических» регуляторах». В поисках ответа на вопрос «А что же имела в виду лидер социологической экономики?» нам придется опять найти эти объекты и объяснить, почему же профессор уклонилась от их обозначения. Пока же все, как будто бы, укладывается в рамки логики, если принять во внимание участников производства советской сферы обращения благ. Как хорошо известно, в этой сфере участвовали промышленные товары и товары, произведенные на селе. Вполне ясно, товары (еда и сырье), производимые в колхозах, были весьма близки до перехода их на уровень потребительных стоимостей для прямого обмена с потребительными стоимостями, производимыми в промышленности СССР, в которой укоренился социалистический способ производства. Стало быть, мысль о «регуляторах» связана с расширением поставок в сферу обращения меновых стоимостей, производителями которых могут быть только частные производители, вводимые по рекомендации социолога – реформатора. И такие производители были, как и были в семидесятых годах XX века решения партии и правительства СССР, относящиеся именно к этим производителям. Читатель уже догадался, что речь идет о решениях партии о личных подсобных хозяйствах (ЛПХ). Одновременно с этим, расшифровывается мысль профессора об «активном сопротивлении» и «отстаивание **учеными** положений» оказывающих «дурную услугу обществу». Стало быть, как на селе со стороны руководителей колхозов и совхозов, так и со стороны ученых были неизвестные нам обоснования негативных последствий от введения «регулирования» через ориентирование производства пищи в ЛПХ.

Эти обоснования, как и их критика не нашли отражения в докладе. И тому есть также вполне логичные объяснения.

Как известно, в 1961 г. по чьему-то совету было принято постановление об ограничении в развитии ЛПХ [12]. На практике это привело к снижению вклада ЛПХ в производство продукции до 13%. Зато вырос объем валовой продукции, перекрывший снижение производства в личных подсобных хозяйствах. Так, в СССР в 1960 г. объем мяса в убойном весе составлял 8,7 млн. т, из которых на долю ЛПХ приходилось около 25% [10, С. 11]. Однако в 1963 г. этот же показатель увеличился до 9,5 млн. тонн при снижении вклада ЛПХ до 13%. Но с семидесятых годов эпопея с личными подсобными хозяйствами ни на первых ее стадиях, ни по результатам в канун Перестройки и во всем постперестроечном периоде

существования Российской Федерации, ничего положительного не принесла [13]. Наоборот, дела в сельскохозяйственном производстве продолжали ухудшаться. Число нерентабельных хозяйств стало расти как снежный ком как раз с момента выхода постановлений правительства СССР и ЦК КПСС об ЛПХ. Одновременно, резко стали ухудшаться показатели работы хозяйств, несмотря на их среднюю, упомянутую выше, положительную динамику.

Речь идет о постановлениях ЦК КПСС 1977-1981 гг. [14, 15, 16]. Из названия этих документов следует, что все три из них направлены на рост производства в ЛПХ. Особенно ясно это выражено в одном из них: ««1. Обязать ЦК компартий и Советы Министров союзных республик... создание кормовой базы, полностью удовлетворяющую потребности в кормах общественного животноводства и скота, находящегося в **личной собственности** граждан...» [15].

Поскольку, производство в ЛПХ является источником пищевых товаров для поставки в сферу обращения со стороны частного производителя, постольку, этот факт прямо подтверждает мысль о решениях правительства о содействии рыночным механизмам, которым сопротивлялись как хозяйственники из общественного сектора производства, так и ученые, скорее всего, аграрного профиля. Нам неизвестны доводы ученых сопротивленцев. Но о доводах хозяйственников можно догадаться – поддержка ЛПХ сказывалась на работе колхозов и совхозов. Это объяснялось тем, что поддержка ЛПХ приводила к снижению заинтересованности работников в работе коллективных и государственных предприятий, делала их независимыми от предприятий, поскольку партия обязала (см. постановления) все органы на местах кормить скот в ЛПХ. В результате на ЛПХ, в собственности которых находилось на круг не более 5 млн. га огородов (менее 1% сельскохозяйственных угодий) с момента выхода постановлений должно было работать не менее 20% (т.е. 120 млн. га) от 605 млн. га, находившихся в распоряжении крупных хозяйств. Но при оценке вклада ЛПХ этот факт игнорировался учеными экономистами АН СССР, включая Т. И. Заславскую. А из него следуют уникальные нарушения в области производственных отношений и функционирования экономического организма. Во-первых, продукция ЛПХ, поставляемая на базары, не могла продаваться без учета вклада работы на ЛПХ 120 млн. га общественных земель, но продавалась. Во-вторых, средства, заплаченные ЛПХовцам рабочими и служащими СССР, не участвовали в амортизационных отчислениях на воспроизводство почвенного плодородия указанных 120 млн. га, а шли только на потребление мелких производителей. В-третьих, постановления об ЛПХ само правительство содействовало снижению производительности труда в отрасли из-за невозможно-

сти одинаково трудиться и в колхозах, и в сараях с собственным скотом. Это не могло не сказаться на «ухудшении экономических показателей» сельского хозяйства в прямом соответствии с экономическими законами его функционирования. Но этого явно не понимала докладчик с дипломом экономиста, развивавшая экономику социологическим опросом представителей ЛПХ, бывших колхозников, осчастливленных постановлениями Правительства СССР об оказании им помощи со стороны колхозов и общением с академиком.

В высокой степени вероятности, приведенные причины привели к использованию туманных фраз об ухудшении показателей сельскохозяйственной сферы СССР докладчиком, не разглядевшим задачу распознавания проблем, приводящих к ухудшению показателей сельскохозяйственных предприятий. Вместо этого она, не зная ситуацию в западном сельском хозяйстве, полагала, что капиталистическое сельское хозяйство работает хорошо, характеризуется высокой производительностью труда, а раз так, то все эти преимущества определяются ничем иным, как регуляторными свойствами рыночного механизма. Однако сельское хозяйство Запада – было далеко не таким рентабельным, как это представляла себе социолог по выявлению мнений колхозников о необходимых экономических мерах. Это сельское хозяйство задолго до доклада стало поголовно дотационным (нерентабельным). Величина дотаций, возложенных на плечи соседей развитых стран капитализма по планете Земля [17] через дисбаланс торговли, превышал стоимость продукции с полей РФ [18]. При этом уже к моменту доклада в капиталистические страны при неэквивалентном обмене стала поступать пищевая и сырьевая продукция из третьих стран мира. Прежде всего, корма для животных. Возможно, отсутствие этих знаний в голове манифестанта и простиительно профессору, как организатору социологического направления в экономике СССР. Но совершенно непростиительно научному работнику, претендовавшему на новое знание и роль советника высшего управляющего звена государства. Более того, это характеризует докладчика как невежду, игнорирующего Маркса, Кейнса и статистику с уникальным везением по введению в заблуждение коллег, соплеменников и вождей.

Вместе с тем, пропуск докладчиком третьего тома «Капитала» можно оправдать тем, что академик прошла не полный курс обучения экономическим наукам. Не знакомство с Кейнсом [17] и данными, повторенными в источнике [18], можно оправдать тем, что, по ее словам, «На экономический факультет я поступила потому, что политическая экономия представлялась мне единственной наукой, изучающей внутреннее устройство и механизмы функционирования человеческого общества, законы, действующие в сфере человеческих отношений. Какие задачи

я ставила перед собой в то время? Прежде всего – усвоить уже наработанную теорию об устройстве советского общества. Но оказалось, что усваивать было практически нечего. Концепция «реального социализма» не отвечала элементарным требованиям, предъявляемым к теории, она «кишела» противоречиями, и внутренними – между отдельными положениями, и внешними – между теорией и реальностью» [3, С.10].

Вполне ясно, что первая часть приведенной цитаты из интервью 2005 г. относится, в том числе, и к теории социалистического строя, как строя советского общества, к которому полностью относится экономическая теория Маркса, Энгельса, Ленина и, в известной степени, труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма». Уничжительная оценка этой теории, основные контуры которой построены Марксом путем добросовестного изучения и анализа трудов экономистов, начиная с Аристотеля, предвосхитившей возникновение мировой социалистической системы, как отсутствие чего-либо пригодного для усвоения, данная докладчиком – весьма любопытна. Любопытна хотя бы потому, что ее доклад полностью построен на терминах именно из теории Маркса и направлен был на реформирование советской экономики как социалистической. Но нельзя упускать из виду, что Т. И. Заславская давала интервью спустя 22 года после доклада. Вероятно, основанием для такой, отдающей снобизмом мысли стал результат от реализации ее предложений по рыночному реформированию СССР с риторикой из теории социализма. Поэтому, через 22 года ее осенила мысль, что раз реформирование не удалось (СССР разрушен) как бы по рецептам уточняемой ею с помощью опроса колхозников теории социализма, то из этой теории и усваивать было нечего. В этом случае, вполне можно согласиться с мыслью других подобных теоретиков, которые находят никчемным изучение любых наук. Например, если некий субъект при изучении дифференциального исчисления предположил, что это знание можно использовать для забивания гвоздей дифференциальным уравнением, но у него этого никак не получилось, то он естественно, должен был прийти к выводу, что в теории дифференциального исчисления нечего изучать. В то время как его вывод – не только неверен по форме. На самом же деле, изучая через дифференциальные уравнения работу механизмов и машин можно вполне сконструировать машину для забивания гвоздей, т.е. опосредованно через правильное применение дифференциального исчисления.

Вместе с тем, наблюдаемые профессором ухудшения показателей в сельском хозяйстве СССР никак не противоречили теории, созданной до нее. В основе этой теории лежали выявленные наукой до Маркса, собственно Марксом, его последователями и проверенные временем сущностные признаки развития организма чело-

веческого общества, включая главный из них – социалистический строй снимает барьеры на пути развития производительных сил по сравнению с капиталистическим. И это было хорошо известно докладчику. Однако часть общей теории – трудовая теория стоимости, не соответствовала действительности, и об этом прекрасно знал сам Маркс. Могла бы об этом узнать и докладчик, но у нее не было времени и желания хотя бы ознакомиться с 3 томом «Капитала» Маркса, при всем притом, что она была обязана это сделать как докладчик на обозначенную тему.

К 1987 г. была выявлена на практике возможность преодоления негативных явлений в сельском хозяйстве СССР. Остановили это направление изыскания монетаризма и реализация в экономике СССР противоречащих здравому смыслу идей социологического опроса, избыливающего околонуучными гипотезами и выводами и соединенного с несостоятельными положениями монетаризма, как современного представления о рыночных законах развития экономики. Одновременно мешали заблуждения в науках, обслуживающих сельское хозяйство, включая такую прикладную науку, как «Экономика сельского хозяйства»

Затруднения Маркса подробно были рассмотрены с 1999 г. по 2002 г. В результате было установлено, что потребительные стоимости создаются в любой общественной формации не по арифметическим законам затрат труда, а благодаря производству различных факторов. Но и этого знания не было достаточно для понимания провалов в сельском хозяйстве. Оказалось, что в экономической науке «земля» ошибочно определена как главное основное средство, ибо земля не «хотела» переносить свою стоимость на урожай, а значит, не была амортизируема [19]. Помогло более пристальное изучение вопроса с почвой. Когда был разгадан механизм почвенного плодородия, стало понятно, что экономическая категория «главное основное средство», которое можно оценить и которое, как экономическая категория, переносит свою стоимость на урожай, а значит, оно амортизируется и подлежит восстановлению, в этом производстве есть. Называется это средство «Почвенное плодородие». Но и этого было недостаточно для выявления очевидных вопросов по странному поведению аграрной сферы не только социализма, но и остального мира. Было выявлено, что представления о механизме почвенного плодородия, основанные на взглядах Тэера и Либиха, не соответствуют природе этой категории. Функционирование почвенного плодородия основано на взаимодействии почвенной биоты с литосферой, атмосферой и гидросферой через употребление органического вещества благодаря его вечному кругообороту. Из выявленных особенностей стало ясно, что в сельскохозяйственной сфере экономического организма

человеческого общества, как природной надорганизменной экологической системе в известных истории общественных формациях из кругооборота изымалось органическое вещество, чем нарушался в агроценозе закон его круговорота. Как следствие – плодородие полей в течение времени его эксплуатации уменьшалось. Соответственно росли издержки, падала рентабельность и, в конце концов, наступала катастрофа: цивилизация, как единая надорганизменная экологическая система исчезала. К сожалению, советская цивилизация столкнулась с тем же самым феноменом. В то же время, научная база для выявления заблуждений в науках и их преодоления, а через это, и выявление сущностных причин негативных явлений в сельском хозяйстве, имелась. Основная часть из них была заложена в трудах советских ученых, согласующихся с достижениями ученых предшествующих формаций. Однако экономист Т. И. Заславская не учла наработки российских и советских ученых С. Н. Виноградского, К. А. Тимирязева, К. К. Гедройца, В. Р. Вильямса, В. Р. Волобуева, И. Ю. Мишиной, А. Д. Фокина, А. Н. Илялетдинова, М. М. Ландиной, А. С. Керженцева, в трудах которых были заложены основы для вскрытия причин недостатков сельскохозяйственной сферы вообще, и сельского хозяйства СССР, в частности [20].

Вместо ознакомления со смежными науками, суть которых была направлена на познание сельскохозяйственной сферы, как того требует методология науки «Экология», как науки о жизни, Т. И. Заславская предложила распознать негативные явления в экономике путем опроса мнений колхозников, сведя к абсурду сущность своих исследований. Доклад Т. И. Заславской – следствие вырождения науки «политическая экономия» из-за плохого знания и понимания марксизма, на идеологии которого были воспитаны управленцы СССР. Благодаря поверхностной риторике, софизму и алогичности, которые были трудно различимы из-за формального употребления основных категорий марксизма с пренебрежением их смысла, этот доклад явился свидетельством зияющих высот науки и способствовал разрушению советской цивилизации. Вначале он дезориентировал 140 экономистов СССР, которые впадали в транс счастья от возможности прямо на семинаре переписывать доклад вручную [3, С. 14]. Другая часть экономистов СССР, видимо, испытывала этот же восторг, прильнув к приемникам, по которым шла трансляция из-за рубежа (запретный плод сладок): «Однажды, подняв трубку телефона, я услышала голос председателя Сибирского отделения АН академика В. А. Коптюга. От него я узнала, что мой доклад был переведен на английский язык и опубликован в «Washington Post» как «Новосибирский манифест», а экземпляр, попавший в ФРГ, несколько раз в день зачитывается радиостанциями на СССР» [3, С. 14].

Благодаря докладу у некоторых экономистов-ученых сформировалось мировоззрение – экономика СССР, как экономика социализма не будет иметь недостатков, если в ней будут задействованы «регуляторы» рыночного механизма. Отсюда рецепт – в сферу обращения в СССР должны поступать товары, принадлежащие их частным владельцам из ЛПХ. При этом, как внушали правительству экономисты монетаристы и социолог Т.И. Заславская, все должно улучшиться. Для части экономистов это обозначало замену знаний о законах развития общества, добытых в науке от древних времен до победы социалистического сообщества в войне против крайней формы капитализма, на эклектику и софизм аполетов монетаризма. Вслед за этим, управленцы СССР, приученные опираться на мнение ученых, прежде всего, политэкономистов, после стресса от маловразумительных ответов на вопросы о сбоях в сельскохозяйственной сфере, не могли не поменять свое мировоззрение, в котором перспектива овладения средствами производства действительно гарантировала и власть, и блага, и благополучие их детям при наличии, так сказать, «научного» обоснования «корифеями» социологической и экономической мысли о росте благ для остального советского народа. При таком мировоззрении управленцы не могли быть не *благодарными* новоявленному пророку, поддержанного всем экономическим корпусом СССР. Т.И. Заславская получила выговор от отдела науки Новосибирского обкома КПСС лишь еще вследствие инерционности демократического централизма в партии. Эта «оплошность» коммунистов на местах была мгновенно исправлена. Если А. И. Солженицына и А. А. Зиновьева выслали за рубеж, то под Т. И. Заславскую было создано академическое подразделение в АН СССР, организован ВЦИОМ, были выделены весьма существенные средства по оплате командировок в деревенские поселения на необъятных просторах СССР для наработки нового знания на основе обобщения мыслей представителей колхозного крестьянства. Вероятно, обобщенные манифестантом мысли колхозников, не обязанных познавать суть производственных отношений между субъектами экономического организма, легли в основу постановлений об ЛПХ [14, 15, 16], о чем косвенно свидетельствует сама Т.И. Заславская в приведенной выше цитате [4, С. 11].

СССР разрушен. Основная часть созданных народом СССР собственности стала частной. Главные производительные силы общества в лице научно-технической интеллигенции, служащих, рабочих и крестьян остались за пределами участия в распределении этой собственности. Более половины необходимой россиянам пищи Россия ввозит из-за рубежа.

Как отнеслась к этому автор доклада на дату интервью в 2005 г.? Практически никак, хотя

именно она выступила идеологом по обоснованию рыночного реформирования через увеличение доли продукции частного сектора с помощью постановлений правительства СССР, приведших к катастрофическому относительному росту издержек на фоне снижения продуктивности колхозного производства. Это уникальное по степени замалчивания своей роли по выработке рекомендаций по рыночному реформированию сельского хозяйства свидетельствует либо о степени интеллектуальных способностей, либо о глубине понимания содеянного и теплящейся надежде – а вдруг все еще изменится в лучшую сторону. К сожалению, изменений в лучшую сторону у капитализма не может быть по определению. О степени препятствий производственных отношений развитию производительных сил общества можно судить не только по современному общемировому системному кризису мировой экономики. Так, если к 1983 г. СССР практически полностью обеспечивал мясом свое население, то на сегодняшней день в Российской Федерации производится около трети производимой на 1990 год продукции животноводства.

В то же время, Т. И. Заславская в 2005 г. задним числом описывает свои переживания только по поводу публикации доклада за рубежом в 1983 г.: «Получалось, что я, совсем того не желая, «сыграла против своих». Ведь, несмотря на критическое отношение к социальным институтам советского общества, я была абсолютно лояльна к социалистическому строю, считала необходимым и возможным его совершенствование и вовсе не думала о его сломе или подрыве. Я была так угнетена случившимся, что бронхит перешел в двустороннее воспаление легких, и я на два месяца оказалась в больнице» [3, С. 14].

Совместим это ее высказывание (2005 г.) с признаками социализма в СССР и его определением, озвученными Т. И. Заславской в 1990 г. перед участниками семинара АН СССР: «Социализм не следует рассматривать в качестве первой фазы коммунистической формации, которая якобы возникает «на развалинах» капитализма и разрешает его противоречия. ...

Высший класс (в СССР – ТОВ) составляет так называемая «номенклатура», объединяющая высшие слои партийной, военной, государственной и хозяйственной бюрократии. Она является полновластным хозяином общества, распорядителем (реально—коллективным), собственником большей части национального достояния, непропорционально большую часть которого она расходует на самое себя. Доля присваиваемого высшим классом богатства характеризуется не уровнем зарплаты, а прежде всего — широким набором присваиваемых бесплатно или за номинальную плату (и недоступных другим слоям) материальных и социальных благ...

С моей точки зрения, «трудящиеся» составляют единый класс, отличительными особенностями которого служат практическое отсутствие собственности и крайняя ограниченность социально-политических прав... Положение этого класса характеризуется скученностью в коммунальных квартирах или собственных домах без удобств, низкими доходами, ограниченной структурой потребления, неблагоприятными экологическими условиями жизнедеятельности, низким уровнем медицинского обслуживания и социальной защиты, ухудшающимся состоянием здоровья, на десять лет меньшей, чем в большинстве цивилизованных стран, продолжительностью и гораздо худшим качеством жизни. Сотни миллионов обездоленных, полностью зависимых от государства представителей этого класса пролетаризированы, десятки миллионов — люмпенизированы, т.е. отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей. ...

Прослойка включает и наиболее преуспевающую часть артистов, писателей, журналистов, художников, адвокатов, врачей, дипломатов и других лиц «свободных профессий». Наконец, к ней следует отнести средних командиров армии, флота, КГБ, МВД. ...

Главное социальное отношение советского общества на протяжении десятилетий заключалось в экономической эксплуатации и политическом подавлении трудящихся партийно-государственной номенклатурой. Возникшее в начале 30-х годов и резко углубившееся к 80-м социальное противостояние этих классов носило и носит антагонистический характер. Что касается прослойки, то часть ее представителей поддерживает тот класс, из которого вышла, другая же часть верно служит классу, от которого зависит.

Итак, сложившийся в СССР общественный строй базируется на сочетании государственно-монополистической экономики с тоталитарным политическим режимом. Современное советское общество является не социалистическим, а государственно-монополистическим. Оно не обладает ни одной из качественных черт социализма и отстоит от социализма дальше, чем развитые капиталистические общества. ...

Сложившаяся в СССР социально-политическая система изжила себя. У нее нет ресурсов развития. Искусственное сохранение этой системы в течение еще нескольких лет приведет к катастрофе, признаки которой уже налицо. В этих условиях единственно разумной политикой является последовательный демонтаж тоталитарной государственно-монополистической системы в целях ее замены более эффективной системой «социального капитализма», сочетающего частную собственность с демократической формой политического правления и надежными социальными гарантиями для трудящихся. Естественно,

что «перестройку» в таком направлении вряд ли можно будет назвать построением или «совершенствованием» социализма. Но если понимать социализм в том единственном смысле, который еще остается, то такое развитие советского общества надо рассматривать как переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованному, гуманному и «социализированному» капитализму.

В свете сказанного вопрос о принадлежности советского общества преимущественно к «социалистическому» или «капиталистическому» типу вовсе не однозначен. Но главное, он не имеет смысла, так как сами понятия капитализм и социализм не способны адекватно описывать типологию современных человеческих обществ» [21].

Вполне ясно, что из приведенных мыслей следует, что теория Маркса о развитии человеческого общества, по мнению Т. И. Заславской, — на практике не подтвердилась. Заметим, что это она говорит с трибуны, предоставленной еще не разрушенным социалистическим государством СССР, возникшим после буржуазной революции в царской России и социалистической революции в буржуазной России. Оплачивалась эта мысль академика самой высокой зарплатой в мире, с предоставлением ей возможности совмещать несколько должностей в научной и преподавательской сфере деятельности. С учетом же бюджетных средств, выделенных для возглавляемого ею ВЦИОМ и командировок, для путевок в любой санаторий СССР, для премий и авторских гонораров и доплаты за звание академика, доход докладчика был одним из самых высоких в СССР и превышал среднюю зарплату служащего едва ли не в двадцать раз. Возможно, это явилось причиной мнения Т.И. Заславской о том, что буржуазной и социалистической революции как бы не было, а если они и были, то это произошло не в соответствии с теорией Маркса. Но тогда, надо это обосновать и привести хотя бы один довод о том, в соответствии с какой теорией произошли революции в России. Но Т. И. Заславская этого не приводит, а значит — не знает. Стало быть, она, как минимум опирается только на свое мировоззрение по принципу — «мои мысли — мои скакуны».

Но из интервью 2005 года мы уже знаем, что Т. И. Заславская, оказывается, была сторонником социализма в СССР. То есть социализм все-таки в СССР был. Правда, из доклада, сделанного за пятнадцать лет до интервью в 2005 г., следует, что на основе своих социологических репрезентативных опросов колхозников (а это основное оплачиваемое СССР творческое занятие манифестанта) она считает, что, как квинтэссенция приведенных выше умозаключений пятого на 1981 г. академика женского рода в Академии Наук СССР:

— «понятия капитализм и социализм не способны адекватно описывать типологию современных человеческих обществ;

– развитие советского общества надо рассматривать как переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованному, гуманному и «социализированному» капитализму.

Она (бюрократия СССР – ТОВ) является полновластным хозяином общества, распорядителем (реально – коллективным), собственником большей части национального достояния, непропорционально большую часть которого она расходует на самое себя.

Современное советское общество является не социалистическим, а государственно-монополистическим. Оно не обладает ни одной из качественных черт социализма и отстоит от социализма дальше, чем развитые капиталистические общества. ...

Сотни миллионов обездоленных, полностью зависимых от государства представителей этого класса пролетаризированы, десятки миллионов – люмпенизированы, т.е. отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей. ...

...социальное противостояние этих (бюрократов, устраивающих по совету Т. И. Заславской перестройку и опрашиваемых ею сотен миллионов обездоленных и люмпенов) классов носило и носит антагонистический характер.

В свете сказанного вопрос о принадлежности советского общества преимущественно к «социалистическому» или «капиталистическому» типу вовсе не однозначен. Но главное, он не имеет смысла».

Остановимся на алогизмах этой квинтэссенции.

Во-первых, приписывание категориям «капитализм» и «социализм» не способности описывать какую-либо типологию – есть примитивная логическая путаница, так как эти категории не являются одушевленными объектами. Поэтому, что соответствует правилам русского языка, любые категории являются понятиями, значение которых следует не из их прямого звучания, а следует из обозначенного в соответствующей отрасли знания смысла этих понятий. Читателю, изучавшему политическую экономию, хорошо известно, что под капитализмом имеется в виду общественная формация, в которой главным признаком производства потребительных стоимостей является частная собственность на средства производства, предполагающей получение собственником средств большего количества производимых благ, чем производящими блага на этих средствах производительными силами (рабочими и служащими). Соответственно, под социализмом понимается общественный строй, упразднивший частную собственность на средства производства, что предполагает большее развитие производительных сил из-за большего получения ими производимых благ.

Во-вторых, принятые в науке определения капитализма и социализма позволяют отнести определение автором манифеста строя в СССР как «самого негуманного антисоциалистического капитализма в мире», что предполагает наличие «гуманного антисоциалистического капитализма», к эталону глупости, с которой могут соперничать только другие «произведения» мышления научного идеолога перестройки.

В-третьих, мысль о сотнях миллионов обездоленных в СССР труженников, которые «пролетаризированы» и десятках миллионов труженников, которые «люмпенизированы», а к ним, как известно, автор этой мысли отнесла себя и участников семинара, являются пасквилем социолога на окружавшую ее действительность. Возможно, этим слушатели были введены в состояние первобытных людей, забывших о своей принадлежности к научному сообществу.

В-четвертых, обозначение бюрократов СССР «собственником большей части национального достояния, непропорционально большую часть которого она расходует на самое себя» – гиперболизированное вранье, ибо никакие бюрократы ни в какие времена не могут расходовать на самое себя национальные богатства государства. Национальное богатство можно распродавать, разворовывать, уничтожать, присваивать, оплевывать, как оплевают социализм в СССР, но непропорционально расходовать его на себя – точно не могут.

В-пятых, партийный и государственный аппарат управления СССР, как состоявший не только из номенклатуры, но и работников многочисленных институтов советского общества (научно-исследовательских, опытно-конструкторских, проектных, учебных, планирующих и пр.), был, до известной поры, самым передовым управленческим аппаратом в мире. Уже в силу этого, он не мог «люмпенизировать» и «пролетаризировать» общество и насаждать в нем антагонистические отношения. Наоборот, сама природа социализма, как это отметила Т. И. Заславская в своем докладе в 1983 г., привела к росту производительных сил на многие порядки. Но это не предотвратило неправильную политику управленцев по советам несостоятельных, в научном смысле, советников, подобных Т. И. Заславской.

Как известно, критерием исследований является практика. В СССР осуществлены реформы, приведшие к его разрушению. Идейным вдохновителем этого мероприятия (катастрофы по А. А. Зиновьеву), как следует из представленного анализа, являлась социологический экономист Т. И. Заславская. Стало быть, сравнение итогов преобразования с прогнозами вполне будут адекватно отражать степень научности изысканий автора манифеста.

Так академик писала: «...временные издержки перестройки на каких-то направлениях неизбежны. Наивно было бы рассчитывать, что их не

будет. Но они несравнимы с тем огромным выигрышем, какой получит страна, активно став на курс, проложенный XXVII съездом партии» [22].

Однако известно, – для подавляющего числа граждан СССР никакого выигрыша не получилось. Выигрыш же меньшинства является просто никчемным. Мировое сообщество ввергнуто в череду непрекращающихся войн за ресурсы. Производительные силы РФ практически не развиваются, лучшие из них эмигрировали за рубеж. Где огромный выигрыш для страны? Его нет. Значит, нет ни теории Т. И. Заславской, нет вообще никакой науки «социологическая экономика». Есть дурнопахнущий пшик. Но может быть эта оценка неспециалиста? Тогда обратимся к специалистам, давшим оценку опросам Т. И. Заславской:

- «...либо опрос проводился непрофессионалами, либо недобросовестно, либо – еще хуже! – нас хотят ввести в заблуждение» [23],
- «... к сожалению, надо признать, что не оправдались наши надежды на серьезную научную проработку этих вопросов коллективом ВЦИОМ под руководством Т. И. Заславской. Проведя за 1989–1990 гг. более 160 исследований общественного мнения, создав 36 региональных отделений (в том числе 15 отделений в РСФСР), сотрудники этого научного центра в последнее время увлеклись идеей «свободного полета» в выборе заказчиков и тематики, подбором новых богатых учредителей» [24].

Авторы приведенных отзывов весьма уважаемые в социологическом мире специалисты. Первый из них являлся директором института социологии АН СССР. Второй – кандидат философских наук, доктор социологических наук, в настоящее время является заведующим кафедрой **прикладной и отраслевой социологии**.

Между тем вполне очевидно, что цель, поставленная академиком в 1983 г. в конце доклада «... б) совместное с другими направлениями науки (политической экономией, правом, социальной психологией, кибернетикой) разработка, обоснование и практическая проверка целостной «модели» социального механизма развития экономики, опирающегося на хозяйственный механизм с эффективными обратными связями и обеспечивающего, во-первых, интенсивное развитие производства, во-вторых, формирование подлинно социалистического типа работников» [4] – не достигнута.

Не достигнута автором и другая цель – цель ее работы: «Таким образом, конечную цель своей работы я, за исключением последних 12–15 лет, видела не в развитии научной теории как таковой, а, прежде всего, в создании научной базы для совершенствования экономической, социальной и аграрной политики государства» [3, С. 12].

Действительность опровергает и эти сентен-

ции. Вместо развития производства – его деградация, вместо работника социалистического типа – бомжи из колхозного крестьянства, разинувшие рот на посулы говорливого человека, деятельность которого охарактеризована ею самой, как автора идеи построения «социалистического капитализма» вместо «капиталистического социализма»: «Мы научились обманывать цензуру, облекая свои мысли в такую форму, что умному читателю они были понятны» [3, С. 15]. Как показано выше, самыми умными читателями манифеста оказались конкуренты на плодородные земли России, включая СМИ западных стран, оболванивавших советский народ и его, затурканных социолого-экономическими упражнениями Т. И. Заславской, управленцев. Следовательно, критика Т. И. Заславской, высказанная в адрес союза социологов России (ССР) весьма точно характеризует деятельность созданного под нее ВЦИОМ: «Создание ССР, конечно, одобрено, если не инициировано властью, потому что иметь под рукой такую сервильную организацию удобно. Она будет послушно делать все что надо: поддерживать любые версии власти, представлять такие социологические данные, которые в данный момент нужны... К науке это никакого отношения не имеет» [3, С.24].

Однако эту оценку можно поменять, если действительной целью жизни Т. И. Заславской было разрушение СССР, ограбление советского народа, разворовывание национального достояния, превращение великого народа-победителя-освободителя в бомжей через введение в заблуждение всего научного корпуса экономистов и обществоведов СССР, в психически неадекватное состояние. Тогда доклад и деятельность академика-экономиста, получившего научные звания за публикации, в которых не удалось обнаружить значащих для экономической науки результатов, с оплатой ее труда по самой высокой в мире ставке, выглядят как блестящий результат тонкой аферы деятеля, не имеющего ни одного научно значимого результата, но краснобайствующего врага не понятого ею социализма и советского народа. Народа, как интернациональной советской социалистической цивилизации и главной составляющей надорганизменной экологической системы, впитавшего лучшие черты народов царской России, цементирующей основой которой явилась могучая восточно-славянская цивилизация русского, украинского и белорусского народов.

Выводы

Т. И. Заславская была избрана академиком, под нее был создан отдел в институте экономики, а затем и институт ВЦИОМ, выделены из бюджета страны самые большие зарплаты в мире для оплаты труда и командировок новоявлен-

ных экономистов-опросников, разъезжавших по бескрайним просторам СССР. И все это только с одной целью – охватить вопросами как можно большее количество колхозников для выявления сути негативных явлений в экономическом организме социалистической формации созидания потребительных и меновых стоимостей. Слов нет – история с Чичиковым, описанная Гоголем – бледная тень. Разница в том, что по Гоголю объекты очковтирательства – мертвые души, а в указанном направлении исследований – живые колхозные души, не читавшие трудов ни одного экономиста-теоретика, и души управленцев, надеявшихся на оплачиваемую науку. Однако результаты воздействия на судьбу СССР доклада и последующей деятельности академика опросного направления экономики более чем впечатляющи. Мышление слушавших ее доклад экономистов, а они были все марксистами, было явно парализовано под гипнотическим воздействием возможности найти ответ на всех их мучавших вопрос о сбоях в аграрной экономике СССР через социальные опросы. Ведь до опросов не догадались Маркс и Энгельс, усердно изучавшие труды всех мало-мальски известных на их время философов и экономистов, чтобы выявить с научных позиций закономерности развития человеческого общества через производственные отношения производительных сил соответствующих формаций.

Суть метода манифеста – не анализ и синтез, а софистика и терминологическая неразбериха, как следствие творческого бессилия и нищеты научного мышления его автора.

Но ради истины необходимо отметить, что не творчество Т. И. Заславской и ей подобных деятелей и иных сил было главным в разрушении СССР. Главным были заблуждения в науках, обслуживающих сельское хозяйство, а так же, рождение тупиковых направлений в науке, подобных опросной экономике автора манифеста, утверждавшего, что «Вообще же для крупных исследований села экспедиция – пожалуй, единственная форма проведения социологического опроса» [3, С.9], привели к пополнению науки заблуждениями. Как следствие – неправильная политика госаппарата. Для исправления ситуации придется пройти весьма трудный путь оздоровления путем замены заблуждений на знания, применение которых будет способствовать нормальному функционированию сельскохозяйственной сферы с целью осуществления главного права людей – права на еду и мир [25, 26, 27, 28, 29, 30].

Список литературы

1. Тарханов О. В. Управленческое решение и знание // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 7 (100).
2. Тарханов О. В. Экология и агроценоз // Экология и жизнь. – 2011. – № 2.
3. Докторов Б. «Самое интересное и достойное занятие – это наука», Интервью с Т. И. Заславской // Телескоп. – 2005- 2007 гг.
4. Заславская Т. И. Доклад «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии», прочитанный на семинаре «Социальный механизм развития экономики» (Новосибирск, ИЭиОПП СО АН СССР, 1983).
5. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.. Производственные отношения / Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1969 – 1978.
6. Производительные силы / Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
7. Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 6, с. 441.
8. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма / Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. – М.: Издательство «Писатель», 1997 г. – С. 154 – 223.
9. Тарханов О. В. Знание на службе управленца. – ВЭГУ, 2012.
10. Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. – М.: Финансы и статистика, 1988.
11. Тарханов О. В. Теоретическая экономия – тупик классового подхода. – М.: Экономика, 2003 г.
12. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об ограничении в развитии подсобного хозяйства», 1961 г.
13. Тарханов О. В. Личные подсобные хозяйства и экономика // Аграрный вестник Урала. – 2008. – № 8. – с. 13–19.
14. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 843 от 14.09.1977 г. «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве».
15. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № № 500 от 15.06.1978 г. «О мерах по увеличению производства и повышению качества кормов в 1978 – 1985 г.».
16. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № № 27 08.01.1981 г. «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан».
17. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2002.
18. Информационно-аналитический сборник «Некоторые проблемы сельского хозяйства зарубежных стран». ВНИИ информации и технико-экономических исследований агропромышленного комплекса. Москва. 1989 г.
19. Тарханов О. В. Основное средство агроценоза: обоснование нового видения // Аграрная наука. 2014. – № 7.
20. Тарханов О. В. Концепции питания растений и общество // Национальная безопасность и

стратегическое планирование. – 2014. – № 3 (7). – с.41-56.

21. Заславская Т. И. Социализм, перестройка и общественное мнение // Социологические исследования. – 1991. – № 8. – С. 3-21.

22. Заславская Т. И. и Рыбкина Р. В. Экономическая социология и перестройка. – М.: Прогресс, 1989.

23. Ядов В. А. Осторожно: опрос общественного мнения. Три несложных правила социологии // Известия. – 23 февраля 1991 г.

24. Овсянников В. Г. О научности опросов общественного мнения // Социологические исследования. – 1991. – № 9.

25. Обсуждение доклада Заславской Т. И. Социализм, перестройка и общественное мнение // Социологические исследования. – 1991. – № 9.

26. Тарханов О. В. Кризис: причины и следствия // Проблемы современной экономики. – 2009. – № 2 (30).

27. Тарханов О. В. Голод и государство: Россия (1892 -2014) – суть проблемы // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2014. – № 11..

28. Тарханов О. В. Бегство от голода: история реформ аграрных технологий и современные проблемы // «Истории мировой экономики». Институт экономики РАН, 3 выпуск, 2014.

29. Тарханов О. В. Научные и научно-институциональные ловушки в АПК // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – № 2 (6). – с. 72-79.

30. Тарханов О.В. И вновь о плодородии российских нив / Крестьянские ведомости. –29.01.14.